

суда выводят в „расход у стенки земного рай“, которых русские большевики выгнали из родного дома, которые под натиском „обще-русского фронта“ бежали в горы и леса, у которых „тактика“ отобрала имя казака, право жить в родном доме, имущество, — неужели они, — эти казаки в лесу сейчас живут иллюзией (под соловьиный напев „Савченко“) освобождать русских от русских, т. е. большевиков от большевиков? Где же логика? Где же совесть? Где же правда???

Г. г. Савченко! помните: никто вам не мешает создавать „обще-русский фронт“ — из русских! Вольные же Казаки создают обще-казачий фронт против русских оккупантов — насильников и „погесниться“ у себя дома во имя сладких речей „адвокатов“ или прекрасных глаз „бабушек“ — не желают! Время со дня революции до сегодня — научило нас защищать свой родной дом, а не отдавать свой дом на алтарь спасения „народа богоносца“, который декретом уничтожает и Бога, и нацию, и совесть, и мораль, и честь.

Да и „тактика“ Казачества изменилась в свою пользу, а не в пользу „вождей“ и их с ними. Коли уже вас „Савченко“ „народ богоносца“ не признает и не примет в свое лоно — помните, что у нас — казаков „в куль да в воду!“

Верно, безусловно, что наши казачьи руководители сделали много „тактических ошибок“ в прошлом и за это Казачество выпивает горькую чашу искупления до дна. Не делай этих „тактических ошибок“, — Казачья уже давно была бы цветущей страной.

Вольное Казачество, после горького опыта, „тактических ошибок“ не повторит и намеченных целей достигнет.

11-VII-1930 г.

Казак Яков Ковган.

Под дулом револьвера.

Был жаркий летний день 1918 года. Где-то, совсем недалеко, раздавались глухие звуки пушечных выстрелов, а иногда теплый порыв ветра неизвестно откуда доносил волну тошнотворного зловонья: то трупы убитых казаков и русских разлагались, утучняя Сальскую землю.

Станица наша долго была между двух фронтов и потому долго служила ареной налетов и действий разведчиков. Станица долго колебалась, не зная на чьей стороне правда и сила. Но однажды ее прорвало и станица спешно, без всякого уговора, начала седлать коней и собираться выезжать к „белым“. Оказывается, толчок дал сотник Ремелев Саран, приехавший в нашу станицу с калмыцким разездом.

Запуганный и присмиривший, было, народ быстро очнулся, увидя своих братьев-калмыков других станиц, вооруженных, смелых, уничтожающих врагов, мстящих им за поруганную веру, честь и ограбленное имущество.

Уехали почти все мужчины. Остался в станичном правлении только я и наш казначей Ишинов. Признаться колебался и я, десятки раз задавая себе вопрос: „не уехать ли“?!

Слух, что Эркетиновцы уехали к „кадетам“, быстро дошел до большевиков и их разезд (целый эскадрон под командой грозного Марка Колпакова) не замедлил явиться. Снешив эскадрон у станичного правления, рослый, здоровый, горбоносый Колпаков, с громадным клоком висящего чуба, увешанный револьверами всяких систем, развалистой походкой вошел в правление и загремел: „А ну, где тут кадеты, подавай сюда их живьем!“ И немедленно, не дав мне вымолвить слово, направил на меня дуло какого-то, причудливой формы револьвера. „О хархин! вот тебе и смерть пришла, какого черта я остался“... успел я подумать и грянул выстрел, обдав мои глаза вспыхнувшим пламенем. Невольно нагнулся я собираясь падать, но ноги стояли крепко и никакой боли не было. Колпаков выстрелил над головой.

„Стой сынок, не убивай его, виноватые ушли, а он остался и вчера спас вашего товарища“ раздался голос старухи соседки, у которой я вчера выручил от „кадетского“ разезда ее сына, моего соседа Макеева. Колпаков, узнав в чем дело немного успокоился и спрятал револьвер.

Через несколько часов обыска по калмыцким сун-

дукам отряд его вышел из станицы, категорически приказав мне вернуть Эркетинцев из кадетского отряда.

„Ну, на этот раз спасла мать Макеева, а другой раз может и не спасти“ подумал я и начал седлать коня, чтобы ночью пробраться к своим станичникам. Кроме опосности быть без причины убитым, на меня сильное впечатление привело как паршивый кацап кричал на меня в станичном правлении, а другие шарпили в нашем святом „сѣме“ и топтали священные книги Божественной мудрости.

„Нет, лучше бороться и умереть, чем живым видеть и сносить все это“ — решил я, выезжая со двора, напутствуемый благословенцем старика отца и матери-старухи.

На другое утро станичники радостно приветствовали меня в чьем-то зимовнике...

А. Зартынов.

1930 г. Пиреней.

Ставропольский остров.

I.

Ген. Богаевский в своей статье „Казачество и самостоятельность“ вызвал нас, казаков, на политическую дуэль, задал казакам вопрос: „Как быть со Ставропольской губернией, отдельным островом зелгшей среди казачьего моря“? Полагаю, что в будущем на это ответит Войско и все Казачество, а сейчас коснусь только появления этого острова.

Он появился точно также, как появился новый остров в пределах Донского Войска и состоит из двух округов Таганрогского и Ростовского. В былые годы центр преимущественно в этих округах наделал землю войсковых старшин и чиновный мир Петрограда, как он наделал землю коннозаводчиков в Сальском округе по три копейки за десятина. Таким образом, большая часть земли Таганрогского и Ростовского округов находилась у помещиков. Для обработки своей земли помещики вербовали крестьян, которые незаметно для глаз казачьих оседали на земле Донского Войска. Так и появились крестьянские хуторки, впоследствии превратившиеся в села.

Известно, что всеми землями Российской Империи, кроме Министерства Земледелия, ведал Петроградский Дворянский и Крестьянский Земельный Банк. Само название этого учреждения говорит за себя, но тем не менее, придется сказать несколько слов о его функциях. На его обязанности лежало: скудка дворянских и помещичьих земель; распродажа таковых земель; удовлетворять всевозможные земельные потребности нуждающихся; регулировать тяжбы между помещиками и крестьянами и в то же время он являлся маской для императоров и российского правительства с их грамотами, которыми они подтверждали „незыблемые права казаков на землю“. По мере увеличения прироста Российской Империи, правительство, желая расселить свое русское население, учитывало, что лучшие земли в Донском Войске находятся в названных округах. Поэтому, не желая в дальнейшем упустить эти земли и не считаясь с тем, что хозяевами ее являются казаки, правительство скущило ее у дворян и помещиков через Банк в названных округах. Отлично знал Петроград, что казаки не только в своем, но и в другом Войске землю покупать не будут и центр, маскируясь Дворянским и Крестьянским Земельным Банком, распродавал скущенную землю в Таганрогском и Ростовском округах крестьянам.

Точно также заселял центр и Ставропольские степи крестьянами, путем переброски их из центральных губерний, а отчасти тем путем, каким он заселял названные округа, чтобы в будущем избежать концентрации казачьих сил. Таким путем залег ставропольский остров среди казачьего моря. Может быть пришли бы времена, когда надо было бы заселять Таганрогский и Ростовский округа казачьим населением, но цель российского правительства — поселить свое русское население на лучшей Казачьей земле и отделить Украинское Казачество от Донского и других Войск, что будет политически надежно. Залегли острова на Астраханских степях так, что ген. Богаевский на страницах